

похода великого князя Василия. Один из его свиты, князь Иван Михайлович Шуйский, чтобы лучше вскочить на коня, стал, по неведению, на камень, положенный «съ древнихъ лѣтъ» на гробе Даниила. Несмотря на то, что его предупредили — не дерзать оскорблять этот камень, он, Шуйский, пренебрег советом, сказав: «мало ли князей, погребенных таким же образом», но тут же получил возмездие. Конь взвился на дыбы, упал и испустил дух, а князя из-под него вынули едва живым. Шуйский раскаялся, установил петь панихиды по Давииле. Наконец, третье чудо, об исцелении сына коломенского купца на гробе святого, относится к тому времени, когда место упокоения Даниила стало уже предметом внимательного ухода и почитания. Ивану Грозному приписывается честь реставрации «небрегомого» даниловского места, выразившейся в установлении регулярной службы московскому князю, постройке каменной церкви и возобновлении монастыря на первоначальном месте, где лежали еще не выявленные, но уже «ознаменовавшие себя чудесами» мощи святого.

В заключение житие восхваляет Даниила, как второго создателя города Москвы «спаче первого», и дает ему краткую похвалу, составленную из тех же выражений, как и характеристика.

Вся повесть явно тенденциозна. Из нее вытекает, что Даниил является начинателем, а Иван Грозный завершителем могущества Московского государства. Родоначальник князей московских, трактуемый как потенциальный святой по характеру и поступкам, получает окончательное признание от Московского царя. Недаром Даниил напоминал о себе не раз, давал знать о своем «небрегомомъ» месте погребения. Из трех чудес только последнее носит агиографический характер, оно и случилось на гробе уже прославленного святого. Два первых — своеобразны, посвящены главной теме — напоминанию о том, что его, Даниила, позабыли. Любопытно, что оба чуда случились с людьми ратными, состоявшими в свите великих князей: напоминания о себе Даниила были направляемы близко к цели. Из них чудо с Шуйским разрабатывает мотив оскорбления так или иначе священного камня, встречающийся в старине о Василье Буслаеве. Повидимому, мотив пользовался распространением в XVI в. История Даниловского монастыря, переносимого с места на место, введена в житие как раз для того, чтобы оттенить поступок Грозного, водворившего монастырь в конце концов на старое «небрегомое» место, чего так желал и Даниил. Вся композиция явно подогнана для того, чтобы показать, что Москва блестящим выходом на историческую арену обязана прославленному герою. Из Даниила явно делали политического святого.